

**Елизавета Петровна Нарышкина, урожденная Коновницына,
в числе декабристок –
жен, последовавших за своими мужьями в Сибирь**

Елизавета Петровна (1802 – 1867) – дочь графа Петра Петровича Коновницына, героя Отечественной войны 1812 года, одного из крупнейших землевладельцев в нашем крае. В семье Елизавета была обожаемым ребенком, девочка росла в роскоши, ее желания и прихоти всегда исполнялись. Елизавета Петровна получила прекрасное образование, была очень одарённой натурой – прекрасно музицировала, пела, рисовала. Была представлена ко двору и стала фрейлиной императрицы Марии Фёдоровны.

Михаил Михайлович Нарышкин - представитель знатного и богатого рода, семья была одной из самых богатых в Москве. В 1815 году он начал военную службу в чине подпрапорщика, быстро сделал карьеру, и уже в декабре 1823 года стал полковником. На одном из балов он встретил Елизавету Коновницуну, которую знал еще с детства. В сентябре 1824 года Елизавета Коновницына вышла замуж за полковника Михаила Нарышкина. Когда родные Елизаветы давали согласие на брак любимой дочери с блестящим офицером, они не предполагали, что будущий зять состоит в Северном обществе декабристов, и молодым супругам предстоит прожить спокойно и счастливо лишь чуть более года, а потом случится Декабрьское восстание 1825 года. После декабрьских событий М.М. Нарышкин был приговорен к восьми годам каторжных работ и в 1827 году отправлен по этапу в Сибирь. У молодых Нарышкиных не было детей. Их единственная дочь умерла в младенчестве, поэтому Елизавету Нарышкину ничто не удерживало в ее стремлении поскорее отправиться в Сибирь, вслед за мужем.

Одной из первых среди жен декабристов она приняла решение последовать за мужем в ссылку, обратилась за разрешением к императрице Марии Фёдоровне, и, получив его, отправилась в Сибирь. Прислуживать Елизавете Нарышкиной в Сибири вызвалась 20-летняя крестьянка Анисья Карпова, получившая для этого вольную (крепостных разрешалось брать лишь для сопровождения).

В мае 1827 года Елизавета Нарышкина прибыла в Читинский острог, где находился М.М. Нарышкин. Здесь она прожила до 1830 года. Женам осужденных разрешалось жить в отдельном домике, свидания с мужьями дозволялись 2 раза в неделю в арестантской палате. Но Елизавете Петровне, как не имеющей детей, дозволили поселиться в каземате вместе с мужем. Елизавета Нарышкина, страдавшая с детства астмой, вскоре все-таки заболела и перебралась в небольшой домик недалеко от Читинского острога. В 1830 году супруги взяли на воспитание семимесячную девочку Ульяну Чупятову.

Елизавета Петровна отличалась замкнутым характером, она не сразу привыкла к обществу чужих людей, казалась неприветливой и высокомерной; но это впечатление было обманчивым. По отзыву Полины Анненковой, Нарышкина *«казалась очень надменной и с первого раза производила*

неприятное впечатление, даже отталкивала от себя, но зато, когда вы сближались с этой женщиной, невозможно было оторваться от нее – она приковывала всех к себе своей беспрдельной добротой, необыкновенным благородством характера».

Большое страдание причиняла Елизавете Петровне вынужденная разлука с горячо любимой матерью – Анной Ивановной. Она, по выражению В.А. Жуковского, *«таяла от горя по матери»*. Жены декабристов и, в том числе Е.П. Нарышкина, находясь в Сибири, проложили «мосты», связывающие узников с внешним миром. Декабристам, содержащимся в остроге, было запрещено отвечать на письма родных, и всю переписку за них вели жены. Елизавете Нарышкиной, знатной даме, недавней фрейлине, абсолютно не приспособленной к обыденной бытовой жизни, пришлось учиться готовить еду, ходить за водой, топить печь, рубить дрова. Полина Анненкова, которая оказалась одной из немногих жен декабристов, имеющей навыки суровой жизни, вспоминала: *«Дамы наши часто приходили посмотреть, как я готовлю обед, и просили научить их то сварить суп, то состряпать пирог... со слезами сознавались, что завидуют моему умению все сделать, и горько жаловались на самих себя за то, что не умели ни за что взяться, но в этом была не их вина, конечно. Воспитанием они не были приготовлены к такой жизни, а меня с ранних лет приучила ко всему нужда»*.

Когда в 1830 году декабристов перевели в Петровский Завод, Елизавета Петровна вместе с другими женщинами боролась за улучшение условий содержания заключенных. В казематах было темно и сыро, туда не проникал дневной свет, и тогда, по словам Михаила Бестужева, *«наши дамы подняли в письмах такую тревогу в Петербурге, что, наконец, разрешено было прорубить окна на улицу в каждом номере»*. Находясь в добровольной ссылке Елизавета Петровна помогала товарищам мужа, оказывала материальную и медицинскую помощь беднейшему местному населению.

В конце 1883 года осужденные по IV разряду, в том числе М.М. Нарышкин, были переведены с каторги на поселение. В 1883 году Нарышкины прибыли в город Курган Тобольской губернии, где прожили пять лет. На деньги, полученные от родных, они купили дом. Михаил Михайлович получил 15 десятин земли и занялся сельским хозяйством. Он попросил прислать ему несколько племенных лошадей и завел небольшой конный завод. Будучи состоятельными людьми, Нарышкины оказывали всевозможную помощь местным жителям. Декабрист Н.И. Лорер вспоминал: *«Семейство Нарышкиных было истинным благодетелем всего края. Оба они, и муж, и жена, помогали бедным, лечили и давали больным лекарства за свои деньги... Двор их по воскресениям был обыкновенно полон народу, которому раздавали пищу, одежду, деньги»*.

Дом Нарышкиных явился своеобразным клубом, центром культурной жизни Кургана 30-х годов XIX века. Здесь часто встречались декабристы и ссыльные. Они сообщали новости, полученные почтой от родных, друзей. В доме Нарышкиных часто звучала музыка. Сейчас в этом доме располагается музей декабристов.

Осенью 1837 г. по царскому распоряжению М.М. Нарышкин в числе других декабристов был отправлен на Кавказ в действующую армию, Елизавета Петровна снова последовала за мужем. По дороге на Кавказ она получила радостное известие: ей было разрешено свидание с родными (с запрещением заезжать в Москву и Петербург). В октябре 1837 года Е.П. Нарышкина прибыла в Кярово: *«Это для меня навсегда будет памятный день, потому что в этот день я увидела свою дорогую семью. Я наслаждалась всевозможными ласками, мне расточаемыми, я окружена любовью и заботами, я была счастлива, но это-то и побуждает меня поскорее ехать на Кавказ, потому что счастье, не разделенное с моим старым, добрым мужем, для меня не полно»*. В феврале 1838 года Елизавета Петровна выехала на Кавказ. Нарышкины поселились в станице Прочный Окоп, в 65 верстах от Ставрополя. Они приобрели дом, в котором по приглашению гостеприимных хозяев часто останавливались отправляющиеся на Кавказ декабристы. Бывший полковник Нарышкин был назначен в Навагинский пехотный полк рядовым солдатом. Каждый год весной на Кавказе проводились военные экспедиции против горцев, и Елизавета Петровна с тревогой ожидала этого времени. Но муж выходил из боев невредимым. В 1843 году Нарышкину постигла тяжелая утрата – умерла ее мать.

В 1844 году М.М. Нарышкин был уволен от службы с обязательством безвыездно жить в имении Нарышкиных - селе Высоком Тульского уезда, причем для всяких отлучек требовалось особое разрешение. От надзора был освобождён в 1855 году. Полностью от всех ограничений он освобожден по манифесту об амнистии 26 августа 1856 года. Нарышкины ездили в Петербург, вели там *«светскую жизнь, весь день в карете»*, нанося визиты друзьям и родственникам. В 1859 году Нарышкины ездили в Париж и на юг Франции. В 1863 году М.М. Нарышкин скончался. Елизавета Петровна пережила мужа на четыре года.

Супруги Нарышкины похоронены в Москве, на кладбище Донского монастыря. Декабрист Евгений Петрович Оболенский писал о чете Нарышкиных, что между ними была *«полная гармония стремлений, жизненной цели, надежд, желаний. На Кавказе, в Сибири – везде вместе... Их любовь отражалась во всем строе жизни... Нам остается удивляться подвигам этих людей, этой женщины»*.

Восстание декабристов и его историческое значение можно оценивать по-разному. Но то, что жены декабристов отправились за мужьями на каторгу и фактически разделили с ними наказание - это, без сомнения, подвижничество во имя любви.